

Невинный Вячеслав
Михайлович (сб.)

17.08.06.

Тверская, 13-2006-Навр.-с.8

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Если кто-то не смотрел ни одного спектакля во МХАТе имени А. Чехова с участием народного артиста СССР Вячеслава НЕВИННОГО, вряд ли ему удалось избежать встречи с этой уникальной личностью на экране. Он снялся более чем в 70 фильмах, по которым его знают и любят миллионы людей: его открытую улыбку, звонкий голос. Среди фильмов есть, как теперь принято говорить, культовые картины - «Гараж» и «Старый Новый год». Около двух лет назад артист пережил тяжелое заболевание и ампутацию ноги. Потом было длительное лечение, привыкание к протезу. Но мысль о сцене не оставлял ни он сам, ни художественное руководство театра. В пьесе Тургенева «Нахлебник» Невинный получил центральную роль - помещика Кузовкина, несколько раз встречался с режиссером спектакля Николаем Скориком. Уже сделан макет декораций, а репетиции начнутся в новом сезоне. Пока в театре отпуск, но нам удалось встретиться с этим замечательным человеком и всенародно любимым артистом

- Вячеслав Михайлович, мы привыкли вас видеть в кино и по телевидению в ролях веселых жизнерадостных людей. А какой вы в жизни?

- Меня можно увидеть разным - и занудным, и веселым. Но на самом деле я человек скучный и даже мрачный. Кстати, за комиками всегда ходила такая слава. Говорили: «На сцене он смешной, а в жизни - глубокий, серьезный человек». Мое амплуа в театре называется «простак», «рубашечный герой». С возрастом оно мне становилось тесным, и я всегда мечтал о ролях драматических и даже о трагических. За комиками всегда замечалось такое желание. А все потому, что актерская индивидуальность чаще всего используется довольно стереотипно. Если режиссер это понимает и готов разрушить привычку, я с удовольствием работаю над ролями и более драматического плана, когда зритель сопереживает твоему герою, а не просто смеется над ним. Хотя быть смешным на сцене - это очень много. Заразить зрительный зал своим оптимизмом, чтобы с тобой смеялось множество людей, пожалуй, труднее, чем вызвать слезы. Если я вижу чрезвычайно смешной трюк, когда весь зал от выступления сильного комического артиста чуть не падает с кресел от смеха, у меня на глазах выступают слезы и мурашки по коже.

А впечатление веселого, оптимистичного человека я произвожу скорее всего в кино, где вы

меня другим и не увидите, потому что в кино используют тип. Ну что мне - такому толстому человеку - давать роль любовника? Это для Ланового. Вот в театре я все-таки могу получить роли иного плана. Например, мне повезло, и я играл Андрея в «Трех сестрах» или исполнял роль в пьесе ленинградского драматурга Арро «Трагики и комедианты» вовсе не смешную, где мне надо было в течение спектакля убедить зрителя в том, что этот толстый странный человек может быть доведен до драматической ситуации настолько, что ему можно сопереживать, и довольно глубоко.

- Ваше отношение к дружбе.

- В актерской среде слово «дружба» чрезвычайно редко, ибо театр субстанция скорее соревновательная. Поэтому с друзьями тяжело. Тем более к дружбе я отношусь очень серьезно и для друга, как говорится, «и сережку из уха». Моим ближайшим другом был покойный Евгений Яковлевич Урбанский. Он давно погиб. А сейчас в нашей труппе есть мои однокурсники, которых я считаю чуть ли не родными, почти братьями и сестрами. Так получилось, что мы сумели сохранить эти отношения юношеской дружбы. Владимир Терентьевич Капур и Татьяна Лаврова - мои однокурсники. А вообще у меня с актерами театра очень хорошие товарищеские отношения. Почти дружеские! Трудно сказать дружеские. Почти.

Это можно сравнить вот с чем: при жизни ни

ДАЛЬ ТАЛАНТА

когда не говорят об артисте - «художник!» Надо почему-то оказаться в гробу, чтобы над твоим телом кто-то сказал: «Какой художник от нас ушел». Обычно же нас называют: «Артист, актер». Часто говорят: «Ремесленник». И почему-то многие этим оскорбляются. Мне же непонятно: почему «ремесленник» - оскорбительно. В наше время меня окружают артисты (да и в нашем театре они есть), которые ремеслом-то своим еще не владеют. Какой художник? Поэтому, если ты овладел ремеслом и можно тебя назвать ремесленником на сегодня, я бы не обижался.

- В каких взаимоотношениях вы бывали и бываете с начальством?

- С самых ранних лет я себя помню как совершенно нерадивого, не подчиняющегося, анархичного типа, невыносимого для окружающих. Со школы еще я всегда мешал, всегда раздражал и часто слышал: «Выйди из класса!» Из меня была та самая творческая энергия, которая многих раздражает, особенно начальство. Оно же все рассчитало заранее, как должно быть. А тут какой-то фиг выскочил, какой-то хрен. Что с ним делать? Убрать, уничтожить, придавить?! А этот хрен не простой. Он говорит: «Как это придавить? Ну, ты - человек, облеченный всякими полномочиями. А кто я?»

Так что с начальством у меня были всегда отноше-

ния обостренные. И вовсе не потому, что я какой-то капризный.

- Вы неудобны для них, и это понятно. А они тоже неудобны для вас?

- Я чрезвычайно редко видел на посту начальника человека, соответствующего этому названию. Если же я понимаю, что здесь все гармонично, у меня возникает не только чрезвычайное уважение к тому человеку, которого вы называете начальником, но и любовь к нему. Ты иногда без него и быть не можешь. Ведь для нас режиссер тоже начальник зачастую. Я представляю себе, кем для нас являлся Олег Николаевич Ефремов, кем был для артистов в Ленинграде Тов-

стоногов. Они уже понимали, что без него как бы и быть невозможно. Так что начальник начальнику рознь.

- А что есть в том человеке, без которого и быть невозможно, и что вас привлекает в нем, заставляет его любить?

- Прежде всего творческая идея. Мне кажется, что я могу играть то, что мне дадено, вот так. И так ярко, и так сильно, что кажется, что этого достаточно. Любовь к режиссеру возникает после того, как он говорит: «А я предлагаю делать вот так». И при этом объяснит как, творчески заразив. Интерес к предложенным тебе творческим задачам, выворачивающим тебя наизнанку, всегда влюбляет в режиссера. А еще его ответ на твое чрезвычайное щемное чувство: «Куда вы меня позовете?» Мне ведь хочется, чтобы меня кто-то позвал в такие дали, которые оторваны от земли, от того места, где мы сидим. Каждый режиссер это, конечно, понимает. И чаще всего бывает, что он только делает вид, будто он тебя куда-то позовет. На самом деле этого не происходит и ты думаешь: «М-да, я интересней. Я - интересней!» И тогда пропадает всякое уважение и начинается просто отбывание номера. То есть лишенная творческого начала служба.

- Скажите, ваша популярность угнетает вас или, наоборот, дает силы жить?

- Я к популярности своей отношусь очень просто. Представьте себе, что вы живете во дворе, где довольно много соседей, и вы многих знаете, и вас многие знают. Вы как-то к этому привыкаете и утром, идя на работу, можете здороваться почти с незнакомыми людьми. Для меня так называемый двор, где почти ты всех знаешь и тебя все знают, расширяется до размеров страны. Если ты идешь по улице, а с тобой кто-то здоровается или приветливо улыбается, я понимаю, что здесь

ничего особенного нет. К этому за долгие годы такого существования я привык и не испытываю никакого дискомфорта. За исключением некоторых случаев, когда узнавание сопровождается не просто восторженными помахиваниями рук, улыбками, просьбами автографа, а когда это переходит все границы допустимого. Когда к тебе подходят и говорят: «Слушай, как фамилия? Вот мы тут поспорили». Я всегда в таких случаях провокационно отвечал: «Моя фамилия Смоктуновский!». И рассчитывал на реакцию совершенно законную: «Ну что вы! За чем вы так говорите? Смоктуновского мы знаем! Вы скажите, как ваша фамилия?»

Каково же было мое потрясение, когда они отвечали: «Ну вот, я так и знал!» Значит, этим людям ни один не нужен, ни другой. Они смотрят на нас, как на собак - это колли или бульдог. Правда, это может возмущать только в данную секунду, ведь ты понимаешь, что не все такие полуграмотные люди. Они просто не знают, что сегодня, в начале XXI века, на прошедшего мимо знаменитого человека, известное лицо, популярную личность можно не обращать внимания. И это было бы замечательно. Тогда бы актеры могли свободно ходить по улицам, появляться в магазинах. Я считаю, что высшая форма популярности - когда тебя видят, но не трогают. До этого мы когда-нибудь, возможно, достаем.

- Вячеслав Михайлович, а что для вас значит любовь?

- Я не могу быть в этом смысле оригинальным. Ведь сказано, что Бог есть любовь. И эта фраза впитывается над нашим миром. Что тут можно прибавить?! И Толстой, мой земляк, писал: «Сколько умов, столько родов любви». Думаю, что и сколько профессий, столько родов любви, и сколько женщин, столько родов любви, и сколько детей, столько родов любви. Любовь - везде. Вышел на сцену: что может быть без любви - твоей к зрителю, зрителя - к тебе? Что может быть без любви в нашей окружающей жизни? Вот мы сейчас слышим и видим, что может быть. Так что, по-моему, любовь и для меня и для окружающих меня - это все.

Наталья САВВАТЕЕВА